

Письма Д.Б. Кабалевского к сыну Юрию

Открытка 13ая

14 x 11 42

Однако чувство товарищества и любовь к искусству заставили Лялю преодолеть страдания, и он всё же пришёл и решил участвовать в спектакле. «Как же ты будешь играть? Тебе по пьесе надо громко кричать, выгоняя меня на арену перед публикой (Ляля ведь играл директора цирка), а ты даже шёпотом говоришь едва-едва?» — «Как-нибудь сыграю», — прошипел Ляля правым уголком рта. Публика неистовствовала. Надо было начинать спектакль. «Давай третий звонок!» — сказал я своему помощнику, и при этом у меня было ощущение, будто я сам подписал приказ о своей казни. Ляле мы нацепили большие чёрные усы, скрывшие шрам и пластырь от глаз публики. Я вышел на сцену. «Поднимай занавес», — скомандовал я отчаянным шёпотом. Занавес раздвинулся. Тут только я понял, что произошла непоправимая ошибка. Но было поздно.

Открытка 14ая

15 x 11 42

Зал замер в ожидании. Не меньше, чем сто пар глаз смотрели на меня. А я — великий актёр, сидел на стуле весь потный и мучительно старался вспомнить первые слова своей роли, с которой начиналась пьеса. Сколько времени я думал — не знаю, мне казалось, что целую вечность. Но это не важно, важно другое: слов этих я так и не вспомнил! Я впал в состояние, похожее на сон. Очнулся я от каких-то странных звуков. Что это? Не может быть? Увы, никаких сомнений не было. В зале кто-то рассмеялся. Потом хихикнуло что-то совсем рядом, отдалось в конце зала и тогда стали смеяться почти все. Какая-то девочка сказала очень спокойным и деловым тоном, видимо объясняя происходящее своей непонятливой соседке: «Забыл роль». У меня закружилась голова и начало тошнить.

Открытка 15ая

16 x 11 42

Тогда я собрал все свои силы и произнёс какую-то невнятную фразу, смысл которой даже для меня самого оставался совершенно неясным. Зал понемногу успокоился. На выручку пришёл Ляля Добрушин. Не дожидаясь того, когда я произнесу наконец нужные слова — он вышел на сцену и стал говорить то, что ему полагалось по его роли. Однако он говорил, как известно, одним правым углом рта и получалось это так тихо, что в зале раздались крики: «Громче, громче!» Кто-то зашикал. Ляля беспомощно посмотрел на меня, потом на публику и вышел со сцены. Я снова остался один. Положение опять стало невыносимо трудным. Но тут меня опять выручил, на этот раз уже Олесь.

Окончание. Начало см. в № 4 (15), 2011 г.

Открытка 16ая

17 XII 42

Дело в том, что сцена изображала артистическую комнату цирка, дверь из которой выходила как будто на арену цирка. И вот Олесь, стоя за кулисами, должен был с ещё несколькими ребятами изображать шум публики в цирке, аплодисменты и все прочие шумы. Так вот, он понял, наконец, что у меня на сцене происходит нечто неладное и решил подводить пьесу к концу, как у нас говорят «закругляться». Поэтому он бросил с силой об пол скамейку, что должно было изображать падение моего сына гимнаста из-под купола цирка и вместе с другими ребятами стали испускать крики ужаса. Это сразу привело меня в чувство и я стал быстро и громко произносить свою роль. Ляля тоже взбодрился и выбежал на сцену.

ПРОСМОТРЕНО
Военной Цензурой
Москва

135

9-22

К. В. А.

Открытка 17ая

18 XII 42

Как полагалось по пьесе я стал суетиться, плакать и произносить всякие грустные слова, а Ляля (директор цирка!) стал требовать, чтобы я выходил на арену развлекать публику, сидящую в цирке. И тогда я истощным голосом завопил: «Выведите конюшню из лошадей» (вместо: лошадей из конюшни). Зал разразился весёлым смехом (в такой-то трагический момент!) и одобрительными криками по моему адресу. Тут уже наши зрители окончательно решили, что им показывают комедию, по ошибке названую в афише трагедией. Ляля вновь появился на сцене и сообщил мне, что лошади готовы. Я должен был (по пьесе) в этот момент кинуть ему в лицо шляпу и убежать на арену с криком: «Я плисол, я плисол!»... И тут-то произошло самое страшное.

Открытка 18ая

19 XII 42

Я потянулся рукой за шляпой, но только тут заметил, что её забыли положить, она осталась где-то за кулисами. Тогда я схватил со стола первый попавшийся под руку предмет и бросил его в Лялю. Этот предмет оказался пустой (к счастью!) чернильницей. Прежде, чем я успел крикнуть своё клоунское «я плисол!..» и выбежать со сцены, — закричал Ляля. Однако то, что он закричал не было указано Куприным в его пьесе. Он закричал, впервые за всю пьесу показав свой полный голос: «Митька! Ай! Ай!» Я в ужасе застыл как истукан. Ведь надо же было случиться так, что я угодил чернильницей Ляле в лицо! Мало того: прямо в левую щёку, заклеенную пластырем. Ещё раз вскрикнув: «Ай, Митька!» — Ляля схватился за окровавленную щёку и выскочил со сцены.

ПРОСМОТРЕНО
Военной Цензурой
Москва

179

Открытка 19ая

20 XII 42

Я понял, что ту часть программы, которая состояла из пьесы Куприна «Клоун» в постановке и с участием в главной роли ученика Кабалевского, можно было считать законченной, вернее провалившейся. Чтобы хоть как-то довести пьесу до конца, я, покрикивая «я плисол, я плисол!» и одновременно давая знаки Олеся, чтоб он закрывал занавес, вышел со сцены какой-то корявой, покачивающейся от волнения и напряжения походкой. Однако моих последних слов уже никто не слышал. Зал трясся от неудержимого хохота наполнявшей его публики. Занавес закрылся. «Первое отделение окончено. Антракт», — услышал я как сквозь сон слова нашего распорядителя, пытавшегося перекричать публику.

Открытка 20ая

21 XII 42

Я сидел за кулисами на стуле унылый, мрачный и сочувственно смотрел на то, как Ляле делали какие-то примочки, останавливая кровь из пореза на щеке. И в этот унылый момент мне в голову пришла, наконец, умная мысль. Я отчётливо понял, что я очень плохой актёр и очень плохой режиссёр и, что мне никогда больше не следует браться за это дело. Вот Олеся — это другое дело: он действительно замечательный актёр. Я посмотрел на него. В этот момент Олеся шёпотом повторял свою роль. У него был великолепный вид настоящего актёра. Тут я даже поддался очень плохому чувству — зависти. Прозвонил третий звонок. Начиналось второе отделение: комедия «Именины Леночки». Олеся дал знак поднимать занавес.

Открытка 21ая

22 XII 42

Едва поднялся занавес, как Олеся стал непрерывно издавать те звуки, которые, как я уже говорил, напоминали тяжёлую икоту. Однако публика так нахохоталась во время моей «трагедии», что это не производило на неё ровно никакого впечатления. Она сидела молча. Впрочем, надо сказать, что в поведении Олеся, действительно ничего смешного не было. Да и вид у него как всегда был чуть кислотоватый, с оттенком меланхолии. Однако я, желая самым искренним образом поддержать своего друга в беде (а я то уж знал теперь хорошо, что такое беда на сцене!), сидя в своём укрытии за кулисами и поглядывая в дырочку, проковырянную пальцем в декорации, начал громко и неестественно смеяться.

Открытка 22ая

23 XII 42

Мой смех прозвучал одиноко и как-то некстати. Кто-то из ребят, сидящих в зале, крикнул: «Эй, ты, за сценой, перестань смеяться, не мешай смотреть спектакль». Я замолчал и понял, что публике не до смеха. А на сцене события продолжали разворачиваться своим чередом. «Гости» собрались на именины к Леночке. В то время, как Леночка готовилась к именинному пиршеству и накрывала на стол, а гости радостно сустились вокруг неё, несколько шутников, главного из которых играл Олесь, задумали сыграть с Леночкой смешную, но злую шутку.

Открытка 23ая

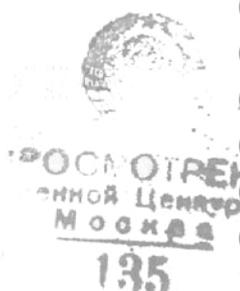
25 XII 42

Когда Леночка накрыла на стол и повернулась, чтоб пригласить гостей садиться, шутники подлили в её чашку изрядную порцию касторки. Леночка выпила, не заметив этого, всё содержимое чашки залпом и... сразу же почувствовала себя неважно. Каждый из нас хоть раз в жизни испытал на себе действие касторки и может себе представить поэтому самочувствие нашей именинницы. Девочка, которой была поручена роль Леночки, играла эту роль так хорошо, как будто это была не пьеса, а всё происходило на самом деле. Публика так и подумала. Дело в том, что Олесь по ошибке, когда вливал в чашку «касторку» встал спиной к публике и поэтому никто ничего не увидел. А когда он раньше говорил о своей затее — я в этот момент за кулисами смеялся, поэтому никто ничего не слышал.

Открытка 24ая

27 XII 42

Теперь представьте себе, что получилось: публика не услышала и не увидела самого главного в пьесе и как раз того, что её должно было рассмешить. А что же она увидела? Увидела, как именинница встречает гостей и собирается их угощать. В этом, конечно, ничего смешного нет, и публика даже не собиралась смеяться. Потом она видит, как девочка, игравшая Леночку, вдруг скрючилась, как будто у неё что-то заболело и выскочила со сцены. Как и полагалось по пьесе «гости» стали удивляться и беспокоиться: заболела ли Леночка. К счастью, через минуту Леночка снова весело вбежала на сцену со словами (по пьесе так полагалось): «Не беспокойтесь, я пошутила».

Открытка 25ая

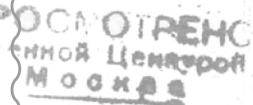
29 XII 42

Но в ту же минуту, едва гости захотели выпить за здоровье именинницы, как она вновь схватилась за живот и опять бросилась со сцены. Тут уже случилась неприятная история. В зале среди публики присутствовал наш школьный врач, очень добрый, но не очень сообразительный человек. Он решил, что «артистка» действительно плохо себя почувствовала и со словами: «Прекратите спектакль, разве вы не видите, что девочка захворала», — стал пробираться из последнего ряда, где он сидел, на сцену.

Открытка 26ая

01 | 43

Вмешательство врача вызвало полный переполох и в зрительном зале, и на сцене. Поднялся невообразимый шум, и продолжать спектакль не было никакой возможности. Один Олесь ещё некоторое время пытался играть свою роль и нервно смеялся своим икательным смехом, но и он быстро замолк. А врач волновался: «Что же это такое? Одному артисту щёку в кровь разбили, у другой артистки живот разболелся! Это больница какая-то, а не театр». С большим трудом уговорили врача и объяснили ему, что это только роль у неё такая — с больным животом. Но было поздно — спектакль был сорван.

 ПРОСМОТРЕНО
 Военной Ценозурой
 Москва

135

9-22

КАБА

Открытка 27ая

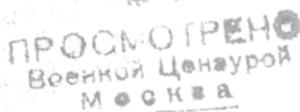
02 | 43

Итак, первая часть вечера была закончена. Моя трагедия, во время которой публика должна была сидеть молча, с напряжённым вниманием, прошла под оглушительный хохот зрительного зала. А комедия Олесь, во время которой публике полагалось смеяться до упаду — прошла при гробовом молчании и окончилась трагическим вмешательством в пьесу врача. После антракта должен был начаться концерт, потом танцы. Но мы с Олесем не могли оставаться в школе. Не глядя друг на друга, мы молча вышли с ним на улицу.

Открытка 28ая

05 | 43

Некоторое время мы шли не говоря ни слова — обдумывали происшедшее. Потом я мрачно произнёс: «Да...» Олесь столь же мрачно ответил: «Да...» С этого начался наш дружеский разговор. Говорили мы недолго и пришли к выводу, что в жизни бывают разные ошибки. Мы, например, ошиблись, решив стать актёрами. «Никогда больше не полезем на сцену», — к такому заключению пришли мы с Олесем. С тех пор прошло 20 лет. Многими делами за это время занимались мы с Олесем, но никогда не пытались больше стать «великими актёрами». Сейчас, встречаясь с Олесем, мы весело вспоминаем о той грустной истории, которую я рассказал тебе в 28 открытках. Конец.

 ПРОСМОТРЕНО
 Военной Ценозурой
 Москва

179

Учительница -
 Москва.